

© 1996 г.

П. БЮХНЕР, Г.-Г. КРЮГЕР, М. ДЮБУА-РЕЙМОН

"СОВРЕМЕННЫЙ РЕБЕНОК" В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Типологии модернизации детской жизни

Теперь мы представим нашу категориальную схему, предназначенную для анализа результатов исследований. Предложенная ниже типология обоснована эмпирически. Она выработана на конкретном материале и ряде других фрагментов изучения, произведенного в трех охваченных регионах, например, изучения специфической инфраструктуры каждого региона, фотографических документов семейной жизни дома и вне его, а также различных обзорных данных об условиях проведения досуга взятой возрастной группы.

Первичный анализ позволил выделить типологию внутрисемейных отношений между поколениями, включающую пять различных образцов их построения, наблюдаемых с разной частотой и имеющих различную качественную структуру (в смысле минимальных контрастов) - в каждом из трех регионов. В определенной степени они отражают уровень модернизации отношений родителей и детей в данных регионах. Эти пять образцов выделялись из каждого конкретного материала соответственно рассказанному в процессе опроса порядку заведенных в семье правил повседневной жизни.

Мы различали наличие гибких или фиксированных правил в трех областях деятельности. Первый набор правил касается бытовой жизни: сна, приема пищи, помощи по хозяйству, просмотра телепередач, контроля за выполнением домашнего задания, общих стандартов поведения и схем разрешения конфликтов. Второй набор касается проведения досуга и отношений ребенка со сверстниками, например, времени пребывания на улице и возвращения домой, дозволенных и недозволенных действий при участии друзей, родительских указаний с учетом культурных интересов ребенка, его учебы в школе и т.д. Третий затрагивает уход за телом и возможность побыть одному, например, выбор одежды, гигиену, прическу, уединенность ребенка в своей комнате и т.п.

Еще один показатель специфики отношений родителей и детей можно усмотреть в степени и формах мер, применяемых родителями к ребенку в случае нарушения этих правил. Существуют семьи с более или менее установленными мерами наказания ребенка в случае неподчинения. В других семьях эти меры могут меняться в зависимости от ситуации. В дополнение к этому следует различать, налагается ли наказание без возражений или, если вообще налагается, то после продолжительного разговора с ребенком о его плохом поведении. Чем больше в семье стремятся к отношениям на договорной основе, тем чаще наказания принимают форму обращения к самооценке ребенка и попытки достижения большего взаимопонимания. Выявленный в исследовании круг отношений, построенных на авторитете родителей, можно разделить на пять качественно разных категорий.

Дальнейшее руководство

Ребенку в соответствии с возрастными нормами предоставляется оптимальная степень автономии для организации своей жизни внутри и вне семьи. Родители считают обязательным искать согласия ребенка и детально обосновывать свои требования; в большинстве случаев они стараются воздержаться от настаивания на заведенных правилах.

Окончание. Начало см. в № 4, 1996.

Такой способ отношений родителей и детей характеризуется процессом заключения ситуационных договоров. Дети имеют в своем распоряжении комнату для независимых маневров и организуют повседневную жизнь согласно собственным нуждам и образу деятельности своей социальной группы.

Близкое руководство

Родители устанавливают правила, исполнять которые ребенок должен внутри семьи и за ее пределами; в то же время они оставляют ему комнату для независимых действий и склонны объяснять свои требования и взгляды. Дети принимают установленные правила и распоряжаются оставленной комнатой в их пределах.

Частным случаем этого способа отношений является вариант "сверхзащиты": родители почти не предоставляют ребенку автономии из-за усиленной заботы о его безопасности. Дети во многих случаях защищаются тем, что отказываются от своей комнаты в пользу поддержания хороших и тесных отношений с родителями, и волей-неволей принимают необходимость определенных правил.

Навязчивое руководство

Родители устанавливают твердые правила, иногда запрещающего характера, которых должны придерживаться дети; правила не нарушаются даже тогда, когда они явно затрудняют ребенка в его самостоятельных действиях. Родители решают сами, где и при каких обстоятельствах дети могут и должны поступать независимо. Как правило, дети признают такое руководство.

Двойственная модель

В этом типе отношений родители практикуют как прямое руководство, так и заключение договоров. Они устанавливают правила, однако усиленно на них не настаивают, нерешительно колеблясь между строгими и терпимыми отношениями. Дети получают преимущество в этой несколько противоречивой ситуации и стараются удержать за собой комнату для независимых маневров как можно больше. Обе стороны чувствуют себя неуверенно.

Строгое руководство

В этом, традиционном типе, родители, особенно отец, практикуют авторитарный тип воспитания. Внутри семьи преобладают суровые правила, которых приходится придерживаться детям. Мать иногда исполняет роль посредника между отцом и детьми. Дети борются за небольшие уступки, иногда без поддержки матери.

Для лучшего понимания этих типов отношений решающим оказывается сравнение восприятия правил с обеих сторон. В семьях с договорной основой как ребенок, так и родитель одинаково осознают тот факт, что существует крайне мало фиксированных правил, которые, с точки зрения ребенка, едва ли обоснованы, поскольку вместо их применения всегда есть возможность договориться. В других же семьях (типы "навязчивого руководства", "строгого руководства" и частично "двойственной модели") дети считают, что родители слишком требовательны, если не авторитарны, тем самым ставя под сомнение право последних на наказание и предполагая возможность заключения договора. Установленный набор правил и меры наказания или волей-неволей принимаются как необходимость (тип "навязчивого руководства"), или тем или иным образом обходятся вследствие сильной подавляющей власти родителей (тип "строгого руководства").

Такие схемы взаимоотношений соответствуют найденным и в других исследованиях (например [24-25]): четыре выделенных в них типа отношений детей и родителей ("авторитарный", "авторитетный", "дозволяющий" и "отстраненно-беззаботный") грубо соответствуют тому, что мы называем воспитанием со строгим, навязчивым и близким (дальним) руководством родителей. Однако бросается в глаза то, что, в отличие от

американских исследователей, мы не нашли в нашей выборке случаев "отстраненно-беззаботного" типа воспитания. Конечно, мы не отрицаем, что есть родители, соответствующие этому типу. В таком различии, по нашему предположению, есть две причины. Во-первых, возможно, что культурно-политические и экономические различия между США и Европой привели к более эффективной организации государственного обеспечения в Европе. Очень может быть, что отсутствие заботы о ребенке более вероятно в контексте меньшей поддержки со стороны системы государственного обеспечения в США. Проверка этой гипотезы требует дополнительных сравнительных исследований.

Вторая причина может крыться в различии исследовательских интересов. Американских ученых особенно интересуют зависимости между родительскими стилями воспитания и формированием про- или антисоциального поведения ребенка, поэтому они интерпретируют воспитание в терминах его эффективности. Их не волнует оценка поведения родителей. Таким образом, в смысле эффективности воспитания они отдают предпочтение моделям, построенным на авторитете, поскольку те ведут к просоциальному поведению ребенка (например, к неупотреблению наркотиков, хорошей успеваемости в школе, развитию зрелого эго и т.д.). Очевидно, что все остальные стили воспитания, менее способствующие выработке просоциального поведения, относят к негативным. Беззаботность по отношению к детям прежде всего означает, что родители не желают и/или не способны формировать такой стиль поведения.

Ясно, что у нас подход иной. Мы не исходим из предположения о четко выделенных стадиях развития и о более-менее фиксированных и недвусмысленных правилах поведения. Вместо этого мы переносим основное внимание на культурный контекст и спектр связанных с ним изменений. Можно найти родителей, не препятствующих своим детям употреблять наркотики, и детей, плохо успевающих в школе - но будет ли это обязательно означать, что родители плохо воспитывают? Пока мы не знаем мотивов снисходительности родителей к наркотикам, мы воздерживаемся от слишком поспешного "да". Вопрос в том, могут ли такие действия возвещать новую стадию модернизации, на которой дети ведут себя квазивзрослым образом в более раннем возрасте.

Для дальнейшей иллюстрации отличий нашего подхода можно поставить вопрос: почему родители позволяют детям плохо учиться в школе? Потому ли, что родителям нет до них дела? Или потому, что современные дети относятся к учебе иначе, нежели предыдущие поколения, и не является ли это сигналом трансформации самой образовательной системы из института отбора по оценкам в нечто, что потеряло былую власть над процессами социальных изменений?

Подобные вопросы приводят к мысли о рассмотрении нашей типологии как ряда последовательных различий, отражающих разные стадии протекания модернизации. В отличие от других исследователей, мы не выводим эту типологию из базовых стилей воспитания, данных в форме четких моделей, независимых от культурных изменений. В частности, наш спектр взаимоотношений родителей и детей выявляет больше элементов терпимого поведения родителей, нежели строгих форм воспитания. Это, видимо, указывает на общее развитие культуры договора, поскольку мы обнаружили свидетельство проникновения культуры договорных отношений даже в нижние социальные слои. Вполне возможно, что "двойственная модель" семейных отношений является индикатором характерной особенности современной культуры семейного договора, включающей стремление к эрозии традиционных идеологий воспитания.

Мы также засвидетельствовали тот факт, что, несмотря на общие четкие различия категорий, каждая из них представлена далеко не единственным стилем воспитания. Происходящий в обществе процесс индивидуализации соответственно ведет и к индивидуализации отношений между родителями и детьми. Семейный договор существует в разных формах, в зависимости от состава семьи (родители женаты, разведены, живут вместе или отдельно, участие в воспитании принимает один из бывших супругов), матерей работающих или домохозяек, места жительства (большой город с умноженным риском versus небольшой деревни с уменьшенным риском).

Биографизация уклада детской жизни

Найденные нами факты не подтверждают мнения о возрастании в Западной Германии дестандартизации "нормальной биографии" ребенка или об исчезновении детства в современных индустриализированных странах [17]. Тенденция к этому обнаружилась лишь

в нескольких исключительных случаях. В целом, среди детей 12-ти лет было обнаружено большое разнообразие схем биографизации течения жизни, однако ранней биографизации не выявлено - лишь малое число детей, растущих в сильно модернизированной обстановке, в состоянии выбрать этот путь взросления. В Восточной Германии особенно, но также и в других регионах, весьма часто мы находили более инфантильные модели биографии.

Для распределения нашего конкретного материала по степеням биографизации мы ориентировались на уровень биографической саморефлексии, а также на сознаваемую и фактическую независимость. Мы использовали показатели, позволяющие собрать достаточную информацию о наличии развитого концепта ЭГО ребенка, включенного в более широкие контексты жизни и о его биографии, содержащей развернутую перспективу. Важным показателем ранней или поздней биографизации является способность ребенка к уходу за собой, к управлению своими финансовыми делами (карманными деньгами, покупкой одежды или других потребительских товаров и т.д.), самостоятельности в вопросах вкуса (прически, ношения одежды, проведения досуга), участия в обустройстве и оформлении своей комнаты и т.п. В конечном счете мы обращали внимание на показатели привязанности или отчуждения от семьи (самоконтроль, правила и меры наказания за их нарушение, конфликты), включая сюда раннюю или позднюю тягу к противоположному полу.

После такой оценки материала, собранного на 12-летних детях в трех европейских регионах, мы выделили четыре типа переходов от детства к юности, которые одновременно характеризуют степень биографизации течения жизни ребенка. Во-первых, это ускоренный переход к юности, сопровождающийся высоким уровнем биографической саморефлексии (например, представление о возможных альтернативных путях взросления) и выработанной способностью планирования собственной жизни, прочным самоопределением, независимостью от родительского руководства и контроля и сильным эмоциональным отчуждением от семьи. Второй тип перехода, который соответствует термину "нормальная биография", по некоторым показателям характеризуется высокой степенью биографической саморефлексии и фактической независимости. Эмоциональное отчуждение от семьи в этом случае среднее, а также средняя степень зависимости от семейного бюджета времени и обязанностей.

Третий тип, который мы определили как "уполовиненную" биографизацию, распадается на два подтипа. Оба можно назвать частично модернизированными вариантами биографизации со средним (высоким) уровнем участия в исполнении семейных обязанностей и средним контролем за бюджетом времени ребенка. Первый подтип отличается сознательным отрывом от инфантильной семейной зависимости. Высокой степенью биографической саморефлексии этот подтип походит на первый тип, однако здесь автономные действия в упомянутых выше областях не имеют места; способность к уходу за собой минимальна и конфликтов с родителями по поводу возможности действовать независимо почти не возникает. Второй подтип характеризуется фактическим отрывом от инфантильной семейной зависимости. Степень биографической саморефлексии у детей низкая, зато имеется обширная сфера для независимых действий. Часто детей принуждают действовать независимо (ряд семейных обязанностей остается на совести ребенка). На почве юношеских требований независимости с родителями иногда возникают конфликты.

Четвертый тип перехода мы именовали "инфантильной биографизацией". Этот тип включает детей с низкими степенями биографической саморефлексии и фактической независимости действий. Такие дети полностью интегрированы в семейные обязанности и бюджет времени: биографизация в этом случае задержана или амбивалентна.

Ни в одном из трех регионов мы не смогли найти четкую связь между способами внутрисемейных отношений родителей и детей и степенью становления биографической независимости ребенка в период перехода к юности. Наши последующие опросы должны предоставить обширные данные, которые помогут прояснить эффект родительского стиля воспитания. Тем не менее, имеющиеся данные достоверно подтверждают общее предположение о том, что высокий уровень развития договорных отношений между родителями и детьми (воспитание детей при дальнейшем руководстве родителей) способствует ранней независимости ребенка, а также раннему и быстрейшему переходу к юности. И наоборот, также верно, что воспитание ребенка при традиционном строгом руководстве родителей замедляет или препятствует быстрому прохождению детского периода биографии и удлиняет детское развитие.

Одновременно, впрочем, при определенных обстоятельствах наш анализ выявляет

стимулирующее раннюю биографическую независимость влияние традиционного типа строгого родительского руководства. Как указано выше, воспитание ребенка при дальнейшем руководстве родителей создает хорошую основу для ранней биографизации его жизни и индивидуализации перехода к юности (например, раннего начала жизни в качестве "маленького взрослого"). С другой стороны, однако, найден также конкретный материал, Показывающий, что дети, растущие при дальнейшем руководстве родителей, вполне удовлетворены своим детским статусом (например, признанием их более-менее полноправными партнерами в повседневных делах), и в этих случаях может наблюдаться определенное совмещение статусов (в детском или юном возрасте) относительно степени возможной независимости.

Варианты современных детских культур

С третьей точки зрения, повседневная жизнь ребенка может быть описана по обнаруживаемой в его культурной деятельности степени модернизации. Мы попытались выяснить, происходит ли (и если происходит, то как) проникновение в нынешнюю детскую жизнь современной "организации досуга" с ее повышенными требованиями мобильности и квазирыночными социальными отношениями. Без сомнения, динамическая сила модернизации всегда ведет к социальному прогрессу, но она также ведет к нежелательным последствиям и опасности, которые нужно учитывать вовлеченным в нее людям. Такая "рефлексивная модернизация" [11 с ее негативным влиянием на частную жизнь людей и их коллективные действия влияет и на повседневную жизнь ребенка.

Мы рассматриваем детские культуры (в смысле повседневной культурной деятельности), используя шесть различных показателей, при помощи которых можно выделить в общем виде специфические варианты более-менее современной детской культурной деятельности. Это показатели: 1) места и времени; 2) социальных и дружеских связей; 3) активности; 4) мотивационно-ориентационные; 5) способности к приобретению опыта; 6) социального контроля. Первая величина относится к использованию дома и намерениям, с ним связанным, к степени распределения областей активности, степени семейной (институциональной) концентрации активности, к самостоятельности в передвижении (включая доступность транспортных средств), управлению своим временем и примерами его использования (включая планируемые встречи с друзьями). Социальные показатели описывают схемы индивидуальных (коллективных) действий, автономных против регулируемых родителями, основывающихся на отношениях с друзьями или с семьей, на отношениях через хобби или группы сверстников. Характеристиками активности, которую мы изучали, являлись степень, тип активности или пассивности против запрограммированных действий.

Последние три показателя по своей природе являются социально-психологическими. Мотивационно-ориентационный показатель имеет дело с индивидуальными или коллективными стилями (вкусами), состоянием сознания ребенка, средствиальной либо гедонистической ориентацией активности, стремлением к отсроченному или же немедленному удовлетворению, а также со степенью важности поддержания социальных отношений. Показатель приобретения опыта относится к удовлетворению и гордости достигнутым, к пассивности или действию, чувствам давления (стресса), сильному либо слабому самовосприятию, обеспокоенности или уверенности в своем будущем, давлению успеха, ощущению способностей. Показатель социального контроля описывается соотношением саморегуляции и внешнего контроля, самодетерминацией или надзором, уровнем развития Способности планировать (организовывать), ощущением собственных перспектив и степенью принятия на себя обязательств.

Используя эти показатели, мы разработали варианты детских культур, сведенные в представленную ниже типологию. Ось этой типологии покоится на двух противоположных полюсах, между которыми пролегает ряд переходов от высокомодернизированных к традиционным вариантам детской культуры. Половые различия и различия между городским и сельским окружением ребенка (большая модернизация жизни городских девочек и мальчиков) в большинстве подтипов предполагаются, однако здесь не представлены.

Высокомодернизированная и индивидуализированная детская культура

С учетом описанных ранее шести показателей этот полюс современной детской культурной практики ребенка характеризуется следующим:

1) Хорошо обустроенная и оборудованная комната для игр; интенсивное ее использование; высокая степень подвижности и распределения активности вне дома; передвижение на большие расстояния, легкая доступность транспорта; обилие институционализированных форм активности, например, задействование в различных "программах"; специализация сфер активности; хорошо разработанный распорядок досуга; частое отсутствие дома (включая ночевки у друзей).

2) Индивидуальные и самостоятельно организованные социальные (дружеские) связи; самостоятельный выбор социальных контактов и развитая способность управления ими; схемы активности, основывающиеся на групповом общении и/или на спорте (хобби); самодетерминированная социальная интеграция (изоляция); важность поддержания связанных с активностью социальных отношений и слабый характер многих из них; важность перемены дружеских пар.

3) Обширная сфера и разнообразный профиль активности, а также активное участие в программной деятельности; разработанные схемы использования времени и связанная с ним саморегуляция; высокая степень способности планировать и организовывать.

4) Индивидуальный стиль (вкус); ощущение своих способностей; далеко идущие перспективы и уверенность в их будущем; постоянная осознанность действия, руководство принципом отсроченного удовлетворения.

5) Отсутствие склонности к скуке; развитые чувства удовлетворения и гордости; низкий уровень подавленности (стресса); слабая (средняя) устремленность к успеху; сильное самовосприятие; четкое сознание своих способностей.

6) Высокая степень развития возрастной саморегуляции; развитая культура договорных отношений, слабая степень связывания себя обязательствами; далеко идущие перспективы; произвольный выбор профиля контролируемой и/или самодетерминируемой активности; непрямые формы родительского контроля; институционализированные формы социального контроля; ослабленные половые различия.

Традиционная Детская культура

Это другой полюс оси модернизации. Традиционные детские культуры имеют место как в сельском, так и в городском окружении и часто приурочены к плохим жилищным условиям, низкому социальному статусу опрошенных семей и увеличенному числу братьев и сестер. Такая детская культурная практика характеризуется следующим:

1) Локальное (городское или деревенское) окружение; слабая степень подвижности (область активности приурочена к близлежащему окружению), маленькая собственная или совмещенная комната, часто хорошо оборудованная - с магнитофоном, телевизором, компьютером (для мальчиков): низкая степень институционализированной активности; ориентация на деятельность в пределах своей улицы; неспециализированность сфер активности; ориентация на активность главным образом вне дома (мальчики); слабая планируемость своего времени: организация проведения времени с учетом интересов семьи (часто отца); четкая разница между проведением будних дней и выходных (каникул); ориентация на текущие дневные дела: слабая формальная организация жизни.

2) Коллективные социальные (дружеские) связи; зависимость выбора социальных контактов от семьи или окружения; активность в пределах семьи или окружения и важность поддержания с ними связей; обязывающий характер взаимоотношений; важность группового общения.

3) Узкая область и недифференцированный профиль активности, а также низкая интенсивность активного участия в программах: традиционные схемы использования времени, зависимые от интересов семьи; слабое развитие способности планировать и организовывать.

4) Зависящий от коллектива стиль (вкус); недалекие перспективы и неуверенность в них; отсутствует или занижена постоянная осознанность действий: руководство принципом немедленного удовлетворения.

5) Часто ослабленные чувства удовлетворения и гордости; низкий уровень подавлен-

ности (стресса); низкая (средняя) устремленность к успеху; слабое самовосприятие и ощущение своих способностей.

б) Слабая возрастная саморегуляция; прямое руководство родителей; сильно выраженная половая дифференциация; высокая степень принятия на себя обязательств; прямые формы родительского контроля; высокая степень социального контроля наедине с противоположным полом.

Частично модернизированные детские культуры

Между этими двумя противоположащими полюсами, представляющими крайние точки модернизованности детской жизни, обнаруживается ряд переходов с частичной модернизацией детской культурной практики. Специфика избирательной и частичной модернизации, происходящей в Восточной Германии, а также в других регионах, является следствием различных социоэкономических и культурных условий. Эти разновидности характеризуются пониженными уровнями модернизованности, довольно часто лишь по нескольким показателям, формируя специфические схемы частичной (избирательной) модернизации. В данном случае особый интерес представляет рассмотрение отношений между показателями этих вариантов и двух других типов, что позволит установить связь этих различных контекстов.

Постулированное движение к индивидуализации биографии ребенка самым различным образом отображается во всем многообразии детских культурных практик. Наш конкретный материал показывает, что высокомодернизированные и индивидуализированные детские культуры довольно часто сопровождаются ослаблением поддержания нормативных традиций семейной, жизни и проведения досуга в том, что они подпитываются усилившейся ориентацией на самореализацию в противовес исполнению обязанностей перед родителями и другими родственниками. Тесные семейные узы и прямой контроль за жизнью ребенка в родительском доме замещаются детской активностью вне семьи и возросшей ориентацией на группы сверстников и организацию досуга. Несмотря на происхождение наиболее модернизированных и индивидуализированных детей из семей верхних слоев общества, все свидетельствует о том, что такова общая культурная тенденция, при которой процесс социализации детства все более отрывается от традиционных социальных контекстов и попадает под контроль "основанных на рынке структур возможностей" [4].

Перед современными детьми открылся широкий простор для независимости. В их руках - индивидуальный выбор подходящей формы коммуникации и социальной активности и способа проведения досуга как области соревнования в управлении своим местом и временем и выражения личных вкусов. Однако значит ли относительная независимость от родителей автономию в смысле просвещенности - остается под вопросом. Независимость от родительского контроля по преимуществу имеет место на рынке досуга, иными словами, за пределами семейной сферы. Раннее освобождение из-под контроля родителей и доступность материальных и культурных ресурсов могут отягощать ребенка при недостатке возможностей опробовать свои преимущества и способности выбирать и принимать решения в контекстах с меньшим риском. За этим может последовать переживание независимости как несчастья, делающего ребенка неспособным справиться с неконтролируемыми потоками повседневности. Поэтому возникает необходимость прийти к большому пониманию тенденции к модернизации и индивидуализации детства, допускающей столь различные исходы.

Заключение

В этой статье мы представили краткий отчет о теоретических и методологических обоснованиях нашего исследовательского проекта и предложили категориальную схему, разработанную для анализа воздействий на детскую жизнь процессов модернизации [1] и цивилизации [2]. Предложенная типология была разработана на основе данных, взятых из следующих областей: 1) отношений родителей и детей; 2) стремления к "ранней биографизации"; 3) общей тенденции к индивидуализации уклада жизни, особенно с учетом культурной практики современных детей.

Результаты нашего первого анализа выявили, что процессы модернизации и цивили-

зации принимают различную форму в зависимости от национально-культурных особенностей в каждом из трех выбранных регионов. В Восточной Германии был обнаружен процесс, который можно описать термином "избирательная модернизация" (разработан [26] и принят [27]), но который также можно рассматривать с точки зрения теории радикального социального сдвига. В последнем случае процесс модернизации рассматривается как процесс, производящий победителей и проигравших и содержащий противоречивые направления развития, возникающие в результате перекрывания "пре-модернистских" и "пост-модернистских" тенденций и цивилизационных стандартов.

Следующей ступенью анализа будет детальное изучение нашего конкретного материала сквозь призму предложенной типологии. Мы убеждены, что имеем достаточное свидетельство того, что процесс социоэкономической и культурной модернизации самым разным образом воздействует на детство, наиболее радикально протекая в Западной Германии и пока что весьма противоречиво - в Восточной Германии. Нидерланды можно расположить где-то посередине, поскольку там мы обнаружили удивительное сосуществование традиционного и современного стилей жизни и ценностных ориентации. Еще одним важным и фундаментальным различием является то, что процент женского труда в Западной Германии намного выше такового в Нидерландах и Восточной Германии¹. Эти и другие современные фундаментальные различия будут изучаться более детально с учетом их воздействия на современное детство.

Пока что числа изученных случаев (30 в каждом из регионов) все еще недостаточно для ответа на вопрос о количественных отношениях между детьми (семьями) разных подразделений нашей типологии. Сейчас мы можем лишь говорить о предварительных находках, требующих детального рассмотрения в позднейших обзорных исследованиях.

В ближайшем будущем мы надеемся, что представим "плотное описание" современного детства в трех регионах Европы с особым учетом воздействия процессов модернизации и цивилизации на повседневную детскую жизнь. Мы убеждены, что наш подход к анализу современного детства в индустриализированных западноевропейских регионах окажется способен показать, как реальная жизнь детей как социальной группы и реальная жизнь различных детских сообществ специфически подвергается влияниям текущих социальных и культурных изменений, подобным тем, что были испытаны поколением их родителей. Думаем, подоспело время для "развораживания" нынешних исследований детства, почти что исключительно концентрирующихся вокруг понятия детства как переходной фазы и а priori глядящих на ребенка как на будущего члена общества. Мы нуждаемся в социологически обоснованной программе исследования детства, рассматривающей детей не только как "еще-не-взрослых", но как объект и субъект всеобщих процессов цивилизации и модернизации.

Перевод с английского Е. А. ЧИЛЬДИЕВОЙ, С. КРИВОШЕИНА

ЛИТЕРАТУРА

24. Maccoby E.E., Martin J.A. Socialisation in the Context of the Family // Handbook of Child Psychology. V. IV. P.H. Mussen (ed.) New York: Wiley, 1983.
25. Gaas V., Seff M.A. Families and Adolescents: A Review of the 1980s // Journal of Marriage and the Family. 1990. №52. P. 941-958.
26. Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective // The Progress of Underdeveloped Areas / B.F. Hoselitz (eds.) Chicago, 1952. P. 3-29.
27. Zinneker J. Jugend als Bildungsmatorium // Osteuropäische Jugend im Wandel / W. Melzer, W. Heitmeyer, L. Liegle, J. Zinnecker (eds.) Weinheim/München: Juventa, 1991. P. 9-24.

¹Доля женского труда после снятия "занавеса" увеличилась, однако с недавних пор пошла на убыль из-за далеко идущих социальных и культурных последствий.